

integrity education in the online environment, differences in cultural norms, and promoting standards of academic honour are necessary components of environments that value academic integrity.

### **References**

1. Bertram Gallant, T., & Drinan, P. (2008). Toward a model of academic integrity institutionalization: Informing practice in postsecondary education. *The Canadian Journal of Higher Education*, 38(2), 25-43.
2. Bertram Gallant, T. (2020). Academic integrity and the student affairs professional. In A. M. Hornak (Ed.) *Ethical and Legal Issues in Student Affairs and Higher Education* (pp. 95-133). Springfield, IL: Charles C Thomas Publisher
3. McCabe, D. L., Feghali, T., & Abdallah, H. (2008). Academic dishonesty in the Middle East: Individual and contextual factors. *Research in Higher Education*, 49(5), 451-467. <https://doi.org/10.1007/s11162-008-9092-9>
4. McCabe, D., & Pavela, G. (2000). Some good news about academic integrity. *Change: The Magazine of Higher Learning*, 32(5), 32-38. <https://doi.org/10.1080/00091380009605738>
5. Park, C. (2004). Rebels without a clause: Towards an institutional framework for dealing with plagiarism by students. *Journal of further and Higher Education*, 28(3), 291-306. <https://doi.org/10.1080/0309877042000241760>
6. Volpe, R., Davidson, L., & Bell, M. C. (2008). Faculty attitudes and behaviors concerning student cheating. *College Student Journal*, 42(1), 164-175.

*Светлана Таратута (г. Вінниця)*

### **ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ АНТИУТОПИИ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ В.МАКАНИНА «ЛАЗ» И А.КУРЧАТКИНА «ЗАПИСКИ ЭКСТРЕМИСТА»)**

Начало XX века, ознаменовавшееся научно-техническим прогрессом и невиданными доселе социальными преобразованиями, породило один из наиболее интересных и, как оказалось впоследствии, продуктивных жанров – антиутопию. Первые антиутопии (романы Е.Замятина «Мы», О.Хаксли «О

дивный новый мир» и Дж.Оруэлла «1984»), ставшие классикой жанра, определили его как роман-предостережение, предупреждавший об опасности социальных трагедий, в зачаточном состоянии таившихся в недрах уже существовавших на то время режимов. Об издержках научно-технического прогресса, преступлениях тоталитаризма, нивелировании личности и манипуляции ею, описанных в романах-антиутопиях ещё в 20-40-х годах XX века, в конце столетия литературные критики отзовутся как о гениальных предвидениях талантливых писателей-аналитиков.

Вторая половина века оказалась не менее щедрой на антиутопии, продемонстрировав новые тенденции развития жанра. Сохраняя жанровые доминанты (некоторая фантастичность событий, отнесённых, как правило, в будущее, описание социально-утопических преобразований, произошедших после катаклизма, войны, революции, переворота и т.д., замкнутость пространства, определённым образом отделённого от всего остального мира, наличие некоего жизненного ритуала, нивелирующего личность, попытки противостоять режиму, конфликт личность – толпа и др.), русские антиутопии конца XX столетия демонстрируют новаторство, являющееся следствием нового времени. Фактически утратив функцию предупреждения, предостережения, антиутопии конца века приобретают новый аспект, который литературный критик М.Золотоносов определил следующим образом: «В нашейСистеме любой, сколь угодно абсурдный проект уже реализован, любойгипотетический сценарий вскоре будет подтвержден фактами. Ничегоневозможного нет. Поэтому всякая экстраполяция на самом деле не носитхарактера предсказания, т. к. сбывается все» [1, с. 192]. Приведённое высказывание характерно для повестей-антиутопий, появившихся практически одновременно в русской литературе конца XX века, «Лаз» В.Маканина (1991) и «Записки экстремиста» А.Курчаткина (1990). События, происходящие в этих произведениях, – проекции фактов, имевших место в истории разных государств на разных этапах. При этом каждая из повестей содержит также черты классической антиутопии.

Некая разорванность исторического процесса присутствует в каждом из произведений, более ярко выраженная в повести «Лаз», где наблюдается действительность после какого-то переворота (темнота, разрушения, пустой транспорт, не работающие телефоны, воровство, насилие, агрессивная толпа). В

повести А.Курчаткина точкой отсчёта является погружение строителей-экстремистов под землю и потеря связи с внешним миром.

Замкнутость пространства, реализованная в обеих повестях за счёт использования локации «подземелье», имеющей в мировой литературе свою традицию, обеспечивает также некую фантастичность происходящих событий. Так, в повести «Лаз» наблюдаем двоемирие, в котором существует герой, периодически опускающийся в подземный мир в поисках спасения и внутренней гармонии. Оказываются в подземелье, отрезанном от внешнего мира, строители метро в повести А.Курчаткина. В обеих повестях, таким образом, появляется оппозиция «верх–низ», реализуемая, впрочем, по-разному. Вынужденный уход строителей-активистов под землю порождает противостояние тоталитарного «верха» и демократического «низа», который, будучи поглощённым идеей, постепенно также становится средой для зарождения тоталитаризма. Трактующая по-разному в литературной критике оппозиция «верх-низ» маканинской повести показывает метания героя произведения между опасной и хаотичной наземной жизнью и якобы благополучным и безопасным светлым нижним миром спасения, где ведутся душеспасительные интеллигентские разговоры. Вместе с тем удушающая замкнутость пространства, фактическая непригодность для жизни, нехватка воздуха, трактующая как в прямом, так и переносном смыслах, наблюдаются в подземных мирах обоих произведений.

В обеих антиутопиях присутствует проблема личности и толпы, реализуемая в повести «Лаз» при помощи образа бурлящего людского потока, агрессивного в своих проявлениях, запрудившего улицы города и преграждающего движение героя повести. Уничтожение зомбированной массой, поглощённой идеей, любой личности, предпринявшей попытку противостояния системе, наблюдаем в повести «Записки экстремиста».

Одновременно в сюжетных коллизиях и образной системе каждой из повестей просматриваются аллюзии на реальные исторические события и деяния реальных исторических личностей.

Так, действительность, описанная в маканинском «Лазе» является отображением постреволюционных событий как начала XX столетия, так и предвосхищением многочисленных «цветных» революций, прокатившихся по миру в начале XXI. Новаторством повести А.Курчаткина можно считать тот

факт, что в отличие от классических антиутопий, презентующих критикуемый общественный строй (зачастую тоталитарный) уже в готовом виде, в ней показывается механизм создания тоталитарного государства фактически с нуля. А образы представителей «вольтова братства», возглавившего «великое строительство» в повести, во многом повторяют образы революционеров разных стран и разных исторических периодов, а также внутреннюю борьбу и выделение из их среды будущих мировых диктаторов, жаждущих власти, идущих к ней по трупам вчерашних соратников, безжалостно манипулируя зомбированными массами.

### **Список використаної літератури**

1. Золотоносов М. Какотопия // Октябрь. 1990. №7. с.192

*Тетяна Федик (м. Вінниця)*

### **КОНЦЕПТ ЗАМІЖЖЯ В РОМАНІ ДЖЕЙН ОСТІН «ГОРДІСТЬ ТА УПЕРЕДЖЕННЯ»**

Не буде перебільшенням твердження, що “Гордість і упередження” є одним з найкращих романів усіх часів і народів, у якому реалістично зображується характер та манера поведінки нехай не всього англійського суспільства, але його привілейованих прошарків наприкінці XVIII – початку XIX століття. У романі показуються проблеми заможних і бідних сімей, несприйняття багатіями бідняків, нерівність соціальних статусів, але основною проблемою твору є бажання матері, місіс Беннет, успішно видати своїх п'ятьох дочок заміж. Протягом усього роману можна спостерігати, що дійсно, усі життєві сили, практично всіх героїнь роману, спрямовані на здійснення благополучного заміжжя, і що є найдивнішим, що шлюб сприймається лише як вдала угода. З перших сторінок роману ми можемо це чітко спостерігати “It is a truth universally acknowledged that a single man in possession of good fortune must be in want of a wife” [1], при цьому мова не йде про вік чи щирість почуттів, а лише про соціальний статус.